КРЕЩЕНСКiЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Бабушка, сегодня, няня говоритъ, опять сочельникъ, можно намъ съ Мишей...

— Постничать? можно и должно, сказала бабушка, но сочельничать со мной не сможете.

— Бабушка, душенька, позволь, ты увидишь, что сможемъ, намъ такъ хочется!

— Саша, дѣтямъ обыкновенно хочется болѣе того, что они могутъ исполнить; послушай, дружочекъ мой, говорила старушка, притягивая дѣвочку къ себѣ за руку: пока ты мала, то хоти и желай исполнять обряды наши, это хорошо, когда же выростешь и будешь здорова, то исполняй ихъ, по силѣ своей: постись, сочельничай, ходи въ церковь, ставь свѣчку, подавай вынимать просвирку; во всемъ этомъ, когда подростешь, поймешь высокiй смыслъ. Теперь же, пока ты мала, то желай и думай: когда выросту, стану то и то дѣлать и сочельничать.

— Нѣтъ, душечка, бабушка, позволь теперь, говорила внучка, вертясь отъ нетерпѣнья, я и Мишу позову, и мы съ тобой вмѣстѣ станемъ сочельничать.

Съ этими словами она убѣжала и чрезъ минуту послышалась ихъ общая топотня и голосъ Миши: «И я хочу, я также буду съ тобой и съ бабушкой!» Дѣти вбѣжали, держась за руки и говоря въ одинъ голосъ: «позволь, милая бабушка!»

— Да васъ стошнитъ, дѣти!

— О нѣтъ, мнѣ ничего! папа часто опаздываетъ къ обѣду, а меня не тошнило!

— Дѣти, сколько разъ вы до обѣда ѣдите, спросила старушка, и стала насчитывать: Чай пьете?

— Да!

— Завтракаете?

— Да, но мы сегодня не хотимъ чаю, отвѣчали дѣти, а завтракъ часто бываетъ не вкусный!

— Послушайте, вотъ мы что сдѣлаемъ, говорила бабушка: такъ какъ сочельникъ болѣе для взрослыхъ, чѣмъ для

маленькихъ, то вы будете сочельничать на половину.

— Какъ это? спросилъ Миша, вскидывая голову и глядя прямо на бабушку.

— А вотъ какъ: завтракать вы не станете, а чай свой принесите сюда, его выпьете на мѣсто завтрака.

Саша была въ нерѣшимости соглашаться ли на такую сдѣлку; но Миша удовлетворился ею, и затопавъ лошадкой, побѣжалъ за своей чашкой, и дѣвочка увлеклась его примѣромъ. Няня внесла чашки и корзинку съ постнымъ хлѣбомъ, и поставила на столъ, покрывъ салфеткой.

— Теперь, дѣти, пока ступайте, сказала бабушка, у меня есть дѣло, а къ завтраку приходите.

— Хорошо, бабушка!

— Миша, какъ я рада, говорила Саша, подпрыгивая по корридору. Мы тоже сочельничаемъ; нѣтъ полусочельничаемъ, поправилась дѣвочка. Часа чрезъ два Миша вбѣжалъ къ бабушкѣ, съ вопросомъ: не пора–ли завтракать?

— Нѣтъ еще, дружокъ, отвѣчала та. Чрезъ четверть часа Саша тихонько постояла на порогѣ передъ бабушкой, но старушка не подымала глазъ съ большой темной книги, которая лежала передъ нею, и дѣвочка ушла. Немного погодя, Миша закричалъ въ дверь: не пора–ли намъ кушать?

— Нѣтъ еще, отвѣчала старушка. Чрезъ полчаса вошла тихонько задумчивая Саша; она была блѣднѣе обыкновеннаго. Бабушка перевернула листочекъ книги, и поглядѣла на внучку.

— Ну, что, Саша, тебѣ ѣсть хочется?

— Хочется, тихонько проговорила дѣвочка, опустя голову.

— Пожалуй, завтракайте сегодня получасомъ ранѣе; погляди–ка, дружокъ, есть–ли половина двѣнадцатаго?

— Есть, есть, бабушка! даже двѣ черточки перешли за полчаса, сказала Саша, водя пальцемъ по стеклу. Миша! закричала она, — а Миша уже давно поджидалъ у дверей. Другъ передъ другомъ, торопясь, усаживались они за чай.

— Бабушка, вы позволите намъ еще по кусочку? вѣдь мы завтракать не станемъ, сказалъ Миша.

— Хорошо, кушайте, однако скажите–ка мнѣ, правду–ли вамъ бабушка говорила, что маленькіе не могутъ сочельничать?

— Правда! сказали дѣти.

— Знайте же и помните, что бабушка никогда не обманываетъ, а всегда говоритъ правду.

Слово это пришлось впору, и съ этого дня дѣти приходили къ бабушкѣ совѣтоваться во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ. «Бабушка знаетъ, я бабушку спрошу, бабушка всегда говоритъ правду,» толковали дѣти между собой.

— А можно туда, къ бабушкѣ, послышалось нѣсколько дѣтскихъ голосовъ, и въ комнату вбѣжало трое: Мери впереди, двое братьевъ ея, Сережа н Алеша, за нею; поднялась суматоха, объятія, поцѣлуи, шумъ, смѣхъ: Дѣти эти были также внуки старушки, только не родные, а двоюродные, дѣти ея роднаго племянника.

— Мери, Мери, а мы сочельничаемъ, я сочельничаю, Мери, кричалъ Миша, торопясь прожевать хлѣбъ.

— Ты какъ сочельничаешь? спросила шестилѣтняя дѣвочка, не понимавшая этого слова.

— Ничего не ѣмъ до вечера, важно отвѣчалъ Миша.

— Нѣтъ, перебила Саша, толкуя его слова, мы полусочельничаемъ.

Малютка стояла вытараща глаза, она ничего не понимала, тѣмъ менѣе, что входя видѣла, какъ дѣти ѣли.

— Мишенька, громко сказала бабушка, а что я тебѣ сказала о сочельникѣ?

И сама же старушка отчетливо и ясно повторила, что маленькіе и слабые сочельничать не могутъ, а потому и не должны, это не по силамъ ихъ; «Это, прибавила она, ты сегодня самъ на себѣ испыталъ; но, какъ малый, такъ и большой долженъ удерживаться отъ того, отъ чего въ силахъ воздержаться, напримѣръ: хвастать чѣмъ бы то ни было никуда не годится, и отъ этого всякій, кто захочетъ

можетъ удержаться. Такъ ли, Сереженька? спросила старушка, замѣтя вниманье старшаго своего внука.

— Я думалъ теперь о томъ, о чемъ вы говорите, бабушка, только это трудно, очень трудно, все думать, да обдумывать, какъ бы чѣмъ не похвалиться; вѣдь если все передумать, продолжалъ мальчикъ съ разстановкой, то выйдетъ, что многое дѣлаешь изъ–за похвалы.

Старушка съ видимымъ удовольствіемъ слушала Сережу, потомъ взяла его голову обѣими руками, крѣпко поцѣловала въ лобъ, и пристально глядя въ разумные глаза ребенка, сказала: «Въ томъ–то и дѣло каждаго человѣка, чтобы всегда помнить и дѣлать должное. Привыкать же къ этому надо съизмала; вотъ хоть ты теперь, ты знаешь, что хвастать не должно, ну и будешь остерегаться, а когда отвыкнешь отъ этого, то задашь себѣ другую задачу, напримѣръ: дѣлать должное такъ, чтобы оно людямъ въ глаза не бросалось, и тебя бы не хвалили за то, что ты дѣлаешь свое дѣло.

— Да чтожь это! пойдемте играть, кричала соскучившаяся Мери, таща то того, то другаго; — А знаете, продолжала она, у насъ скоро будутъ гости, только безъ куколъ!

— Ахъ, да, Саша, ты знаешь, что придумала Мери? сказалъ Алеша.

— Что, что? живо спросили маленькіе хозяева.

Алеша покатился со смѣху. — Она хочетъ пригласить гостей съ тѣмъ, сказалъ онъ, чтобъ они пріѣхали въ штопанныхъ платьяхъ!

— Алеша! закричала малютка, бросаясь къ брату.

— Право такъ, говорилъ онъ.

— Алеша! кричала дѣвочка, зажимая ему ротъ.

— Это она все за Лину заступается, говорилъ мальчикъ, увертываясь отъ маленькой ручонки, а мама говоритъ: что же дѣлать тѣмъ, у кого нѣтъ рваныхъ платьевъ, — тому какъ быть?

— Саша, Миша! вы его не слушайте! торопилась перебить Мери, я сказала: мнѣ

не нужно, чтобы гости мои были разряжены, пусть пріѣдутъ въ старыхъ платьяхъ!

Бабушка, слышавшая о случившемся съ Линою на кукольномъ вечерѣ, поняла въ чемъ дѣло, и сказала:

— Ты, Мери, вотъ что сдѣлай: сама одѣнься попроще, ну и самыхъ близкихъ попроси о томъ же, а охотницамъ до нарядовъ ничего не говори, щеголихъ у тебя будетъ наполовину, а другая половина одѣнется просто, такъ что между ними и Лина не будетъ отличаться.

Этотъ совѣтъ очень понравился Сашѣ, и она, прыгая передъ старушкой, сказала:

— Бабушка, позволь мнѣ самой съ Мери выбрать изъ моихъ платьевъ то, которое и тогда надѣну.

— Идите, выбирайте что хотите, только чуръ не комкать. И вся стая запрыгала и понеслась въ дѣтскую. Чрезъ часъ красныя, запыхавшіяся дѣти опять вбѣжали къ старушкѣ.

— Ахъ, мои голубчики, да какъ вы умаялись! сказала она, глядя на внучатъ.

— Бабушка, я хочу имъ показать мою дочку!

— Нельзя, дружокъ, я сейчасъ была тамъ, она и мама твоя обѣ спятъ.

Дѣти переглянулись, какъ бы совѣтуясь, что имъ теперь дѣлать, чѣмъ заняться.

— Ахъ да, бабушка, няня хотѣла у тебя проситься за богоявленской водой, это какая вода? спросила Саша.

— Та, которую сегодня святятъ за вечерней, сказала старушка: — до нея ничего не ѣдятъ, сочельничаютъ; когда выпьютъ этой воды, тогда начинаютъ ѣсть.

Саша вдругъ вспомнила рождественскій сочельникъ, какъ бабушка съ нею говорила, какъ ей было хорошо сидѣть, пріютясь къ старушкѣ.

— Бабушка, милая, разскажи намъ про сочельникъ, помнишь, какъ тогда!

Бабушка, посмотрѣвъ на дѣтей, сказала:

— Трудновато говорить съ вами, дѣтки; вы всѣ неровни: Сережа и Алеша знаютъ Священную исторію, Мери съ Мишей ничего не знаютъ, и не понимаютъ, а ты,

Саша, только нѣкоторыя картинки запомнила.

— Бабушка, ты какъ тогда говори — я все поняла!

— Ну, другъ мой, вѣдь разсказъ на расказъ не придется; однако, пожалуй, попробую.

Всѣ захлопали въ ладоши; дѣти любятъ слушать, умѣли бы только съ ними говорить. Бабушка посадила Мери къ себѣ на колѣни, Сашу въ ноги, на скамеечку, мальчикамъ позволила сѣсть на коверъ, и, приноравливаясь сколько можно къ понятію дѣтей, начала:

— Ну, Саша, скажи намъ, какая картинка крещеніе Господне? на Іорданѣ, — прибавила старушка, видя, что дѣвочка задумалась.

— Ахъ, это на рѣкѣ–то! Вотъ стоитъ одинъ на берегу повыше.

— Іоаннъ Креститель, подсказалъ Алеша.

— Да, Іоаннъ Креститель, у него палочка перевязана поперекъ крестомъ и кончики

висятъ длинные, длинные, онъ зачерпнулъ въ чашечку водицы и льетъ ее на голову…

— Господа…

— Алеша, да я сама знаю, нетерпѣливо отозвалась дѣвочка: — и льетъ на голову Господа Іисуса Христа, а Онъ по колѣни въ водѣ стоитъ, а надъ головою у него птичка…

— Голубь, не утерпѣвъ подсказалъ Алеша.

Мери взяла бабушку за обѣ щеки, и она теперь также вспомнила картинку, и ну цѣловаться говоря: я это также знаю, я все это знаю.

— Перестань, Мери, нетерпѣливо перебилъ ее Сережа.

— Ну, такъ слушайте: Іоаннъ Креститель былъ пророкъ: ты помнишь, Саша, что я говорила тебѣ о пророкахъ? Но видя, что дѣвочка задумалась, бабушка продолжала: пророками назывались такіе люди, которыхъ Господь выбиралъ для того, чтобы учить людей и наставлять ихъ въ томъ, что заповѣди даны имъ не для того, чтобы ихъ прятать въ золотой ковчегъ и

затверживать ихъ попугаями, но чтобы исполнять ихъ приказанія. Такой пророкъ былъ Іоаннъ, прозванный Крестителемъ.

— Бабушка, спросилъ Алеша, его прозвали Крестителемъ за то, что онъ крестилъ?

— Да, дружокъ мой, отвѣчала та.

— Послушай, бабушка, нѣсколько робко спросилъ Алеша, за что же его прозвали такъ, вѣдь не онъ одинъ, а всѣ священники крестятъ?

— Ахъ, Аничка, здравствуй Оля! кричали, дѣти, здороваясь съ вошедшею сестрицей. Сядь сюда! Нѣтъ, сюда, ко мнѣ, къ намъ! кричали они, сторонясь другъ передъ другомъ, чтобы дать мѣсто общей любимицѣ своей.

— Садись–ка, дружокъ, подлѣ меня, сказала бабушка: — да помоги–ка мнѣ разсказать имъ о крещеніи Господнемъ: вы другъ друга лучше понимаете. Затѣмъ, обратясь къ Алешѣ, она продолжала:

— Да, теперь, послѣ Іоанна Крестителя, креститъ каждый священникъ, но до него никто не крестилъ; онъ первый ввелъ этотъ

обрядъ, и невидимое для насъ дѣло, покаяніе человѣка, обрядилъ, т. е. одѣлъ, въ видимый обрядъ омовенія водою.

— Бабушка, это что такое покаяніе? спросила Саша, пристально глядя на старушку.

— Да, вотъ поди, толкуй съ вами! сказала бабушка, тряхнувъ головой; потомъ, подумавъ немного, спросила внучку: — Ты, дружокъ, когда нашалишь, а потомъ, понявъ, что огорчила папу и маму, ты что тогда дѣлаешь?

— Что же, бабушка, я тогда прошу прощенья!

— Ну вотъ, это–то самое, когда пожалѣешь, что дурно сдѣлала, да идешь просить прощенья, это и зовется у людей раскаяніемъ, а раскаяніе передъ Богомъ называется покаяніемъ. Поняла–ли, Саша?

— Да, поняла, задумчиво сказала дѣвочка, а потомъ прибавила: — Когда я у папы прошу прощенья, это значитъ: я раскаяваюсь; когда же прошу прощенья у Бога, то я...

— То ты каешься, подсказала старушка замѣтивъ, что дѣвочка не сладитъ со словомъ покаяніе.

— Бабушка, спросила Мери, Богъ слышитъ, когда у него просятъ прощенья?

— Слышитъ, и прощаетъ, если видитъ, что люди, каясь, хотятъ исправиться.

— Послушай–ка, бабушка, началъ Миша, протираясь къ старушкѣ, ты мнѣ скажи вотъ что: развѣ большіе также каются? Вѣдь большіе не шалятъ?

— И не шалятъ, да грѣшатъ, дружокъ, то есть, грѣшатъ, не дѣлая того, что Господь велитъ. Вотъ и въ то время, когда жилъ Іоаннъ, народъ очень грѣшилъ: хотя іудеи и писали приказанія Божія у себя на дверяхъ, чтобы всегда видѣть и помнить ихъ, но это обратилось у нихъ въ одинъ обычай, а исполнять заповѣдей они не исполняли. Св. Іоаннъ, живя въ степи, въ пустынномъ мѣстѣ, около Іордана, говорилъ приходящему къ нему народу: «Опомнитесь бросьте дурную жизнь, покайтесь и принесите плоды достойные покаянія: вы живете, какъ безплодныя деревья, которыя

напрасно растутъ; но берегитесь за такую жизнь вашу, — наказаніе близко, сѣкира (топоръ) лежитъ у корня дерева, безполезное дерево скоро будетъ срублено.» Вы видите, дѣти, что онъ говорилъ не такъ просто, какъ говоримъ мы; онъ уподоблялъ людей деревьямъ, полезныя дѣла — плодамъ, наказаніе — сѣкирѣ; такимъ языкомъ говорятъ на Востокѣ всѣ азіятскіе народы; слово Божіе писано на Востокѣ же, а потому и писано притчами и уподобленіями. Мало того, что восточные жители говорятъ иносказательно, но они часто рѣчи свои подкрѣпляютъ или изображаютъ дѣломъ, и это–то иносказательное дѣло или дѣйствіе мы называемъ обрядомъ; напримѣръ: ты, — Сережа, вѣрно помнишь, что сказалъ Пилатъ, когда народъ требовалъ осужденія Господа?

— Помню, отвѣчалъ Сережа, онъ сказалъ: я невиненъ въ крови праведника этого.

— Ну, а что Пилатъ еще при этомъ сдѣлалъ? спросила старушка.

— Онъ велѣлъ подать воды и умылъ, при народѣ, руки свои.

— Вотъ это–то дѣло и было уподобительнымъ, обрядливымъ; понимаешь ли ты, дружокъ?

— Да, сказалъ мальчикъ, не сводя глазъ съ бабушки. Этимъ иносказательнымъ умовенiемъ рукъ, Пилатъ подтвердилъ слова свои о чистотѣ и невинности своей въ дѣлѣ осужденiя Iисуса Христа. Iоаннъ, призывая народъ къ покаянiю и очищенiю отъ грѣха, наставлялъ его, уча доброй жизни, и потомъ, въ знакъ очищенiя отъ грѣха, омывалъ кающихся водою. Обрядъ крещенiя, нѣсколько измѣненный, перешелъ и къ намъ.

— Замѣть, Сереженька, сказала бабушка, обращаясь къ внуку, какъ къ старшему изъ дѣтей, замѣть и помни, дружокъ, что наша христiанская церковь основалась на Востокѣ, и что вся внѣшность ея въ томъ же иносказательномъ духѣ, о которомъ я сейчасъ говорила: обряды, служба, одежда, даже утварь церковная, все это уподобительно, все

заключаетъ въ себѣ высокій духовный смыслъ, который, къ сожалѣнію, немногимъ извѣстенъ.

— Отчего неизвѣстенъ? живо спросила Аня.

— Оттого, что иные не могутъ, а другіе не заботятся понять его, отвѣчала старушка, глядя въ глаза внучкѣ; ей отрадно было слѣдить за сочувствіемъ ребенка.

— Бабушка, хотѣла что–то спросить Аня.

— Постой, постой, дружокъ, перебила ее старушка: — съ тобой поговоримъ когда нибудь на особицу, а теперь дай кончить о крещеніи и о богоявленской водѣ. Слушайте же, дѣтки: Іоаннъ Креститель поселился, какъ я уже вамъ сказала, въ пустынѣ, народъ сходился къ нему отовсюду, иные изъ усердія къ святому человѣку, другіе изъ любопытства, посмотрѣть на пустынника и послушать его дивныхъ рѣчей. Онъ говорилъ народу: «Кто вразумилъ васъ бѣжать отъ наступающаго гнѣва? Уже и сѣкира лежитъ при корнѣ

дерева, всякое дерево, не приносящее хорошаго плода, будетъ срублено и брошено въ огонь; послѣ меня придетъ Тотъ, Кто сильнѣе меня, Кому я недостоинъ нести обувь Его. Я крещу васъ водою покаянія, Онъ же будетъ крестить Духомъ Святымъ и огнемъ. Лопата въ Его рукѣ, и Онъ очиститъ гумно свое и соберетъ пшеницу въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ.» Такъ говорилъ онъ, и въ народѣ пробуждалось темное предчувствіе чего–то близкаго, великаго; понимая притчу Іоаннову, народъ размышлялъ: обувь — это низшее, послѣднее въ одеждѣ; если же и святой мужъ недостоинъ понести обувь Того, Кого онъ возвѣщаетъ, то что же это будетъ? Народъ понималъ также, что пшеницею называлъ онъ добрыхъ и полезныхъ людей, а соломою пустыхъ тунеядцевъ; что гумно иносказательно представляетъ міръ, гдѣ люди полезные перемѣшаны съ безполезными, какъ зерно съ мякиной, и что Іоаннъ ждетъ Господина гумна. Однажды утромъ, когда онъ крестилъ и толпы народа собрались на

берегу Іордана, онъ вдругъ увидѣлъ вдали идущаго къ нему Іисуса; пророкъ душею своею узналъ Господа и въ восторгѣ, подымая высоко руки, закричалъ народу: «Вотъ Онъ! Вотъ Агнецъ Божій, взимающій на себя грѣхи міра! Вотъ Тотъ, о Комъ я говорилъ: послѣ меня придетъ Тотъ, Кто сильнѣе меня!»

— Бабушка, бабушка, я видѣлъ это! радостно закричалъ Сережа: — Іоаннъ и рукой, и крестомъ указываетъ народу на Господа!

Дѣти въ изумленіи смотрѣли на раскраснѣвшагося мальчика, бабушка также, поглядѣвъ на него, спросила: — Ты во снѣ видѣлъ это, дружокъ?

— Нѣтъ, не во снѣ, я видѣлъ картину Иванова, явленіе Господа народу! Ахъ, бабушка, какъ хорошо! Іоаннъ точно живой, точно громко говоритъ народу, а Господь идетъ вдали, тихо, тихо, одинъ одинешенекъ такъ хорошо, точно спереди картины шумно, а тамъ, вдали около Господа, такъ тихо! Алеша, ты помнишь, мы

вмѣстѣ ходили смотрѣть, спросилъ Сережа брата.

А Алеша ужь давно припоминалъ что–то, и сказалъ: — А, а, это гдѣ жиденокъ–то, изъ воды вылѣзъ, и озябъ?

— Да, да, подтвердилъ Сережа.

— Ну помню, помню: Іоаннъ Креститель точно мѣхомъ обернутъ, самъ такой высокій!

— Такъ вотъ, дѣти, перебила ихъ бабушка, Господь Іисусъ Христосъ, который сошелъ на землю, и намъ въ примѣръ прожилъ съ людьми земную жизнь, самъ на Себѣ подтвердилъ обрядъ крещенья, т. е. самъ крестился отъ Іоанна, который сначала отказывался, говоря: «не Тебѣ у меня, а мнѣ слѣдуетъ у Тебя креститься!» Но затѣмъ исполнилъ волю Господню, который сказалъ: «такъ тому быть должно.» И когда Господь крестился, то Іоаннъ видѣлъ духомъ своимъ небо открытое и Духа Господня, Духа любви, кротости и чистоты, въ земномъ видѣ, въ образѣ самаго кроткаго и чистаго

животнаго, голубя, летавшаго надъ Господомъ.

Саша, сидѣвшая въ ногахъ на скамеечкѣ, вдругъ потянулась черезъ Мери къ бабушкѣ, говоря: — А какъ же это, помнишь, ты говорила о барашкѣ, что онъ самый добрый?

— Да, Саша, я говорила и теперь скажу, что между звѣрьми, барашекъ, ягня, или по–славянски агнецъ, есть самое смирное и доброе животное, а между птицами, голубь: потому–то они оба и означаютъ, на языкѣ притчъ или иносказанiй, кротость и чистоту. У насъ, на полурусскомъ, гостиномъ языкѣ, иносказанiе или притчу зовутъ аллегорiею, а самые образы иносказанiй, какъ напримѣръ здѣсь ягня и голубя, эмблемою. Вотъ вамъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ иносказанiй: левъ, какъ самый сильный изъ звѣрей, есть представитель, эмблема или образъ силы; волкъ — образъ хищности; лиса — хитрости; собака — вѣрности; свинья — невѣжества и нечистоты. Говорятъ, у древнихъ на Востокѣ не только звѣри, птицы и рыбы, но

даже каждый цвѣтокъ имѣлъ свое особое значенье! Тамъ еще и донынѣ сохранился языкъ цвѣтовъ, который, можетъ быть съ перемѣнами и прибавками, отчасти дошелъ и до насъ; напримѣръ: роза — образъ красоты; фіялка, — скромности; лавръ, — мудрости и славы; миртъ — образъ любви; полынь, — горькая неправда и пр. У языка образовъ или иносказаній было свое письмо, которое у древнихъ называлось іероглифами. Іероглифы, письменные знаки древнихъ, по сію пору уцѣлѣли на камняхъ и пирамидахъ египетскихъ, но, не зная языка этого, мы не понимаемъ и знаковъ его.

— Бабушка, я слышалъ отъ дяди, что есть ученые, которые разбираютъ іероглифы, сказалъ Сережа.

— Да, дружокъ, и самый замѣчательный изъ нихъ Шамполіонъ; онъ говоритъ, что у египтянъ іероглифы были различные; древнѣйшіе тѣ, что называются символическими или картинными, тамъ каждое изображенье имѣло нѣсколько смысловъ. Вотъ напримѣръ, — и старушка,

взявъ карандашъ, начертила кружочекъ, съ точкой, по серединѣ, — вотъ этотъ знакъ представлялъ солнце, и свѣтъ его, и день, и жизнь природы, такъ какъ ничто не можетъ жить безъ солнца; отвлеченно же, знакъ солнца означаетъ свѣтъ разума и тепло любви. Ну, да что объ этомъ говорить, вамъ этого еще долго не понять: сказала старушка, усмѣхнувшись на своихъ слушателей и на непосильные для нихъ разсказы.

— Нѣтъ, бабушка, душечка, нѣтъ, разсказывай! кричала Саша, показывая бабушкѣ лоскутокъ бумаги, на которомъ она сама начертила кружокъ съ точкой по серединѣ: — вотъ, когда кто напишетъ этотъ кружочекъ, то это все равно, что написать: с–о–л–н–ц–е.

— Да, сказалъ Сережа, и оно же значитъ: свѣтъ и тепло.

— Ахъ, какъ славно! вскричала Саша, хлопая въ ладоши; бабушка, душечка, скажи еще что нибудь, а я нарисую и подпишу то, что оно будетъ значить!

— Ну, пиши молодую луну, вотъ такъ; и старушка очертила полкруга двумя кривыми чертами; это значитъ и мѣсяцъ и ночь и, свѣтъ безъ тепла, вѣдь мѣсяцъ не грѣетъ, такъ ли? Дѣти молча кивнули головою.

— А вотъ, кругъ съ двойнымъ крестомъ по середкѣ, представляетъ землю, созданіе; эти же три зубчатыя черточки, одна надъ другою, какъ волны, означаютъ воду а кувшинчикъ, изъ котораго зубчиками льется вода, значитъ умовенье, очищенье; а вотъ нарисуй вѣсы — вѣсы и по нынѣ означаютъ: правду, правосудіе, — и бабушка, наклонясь надъ Сашей, начертила ея рукой вѣсы, вотъ это и по древнему: судъ и правда; теперь нарисуй–ка глазъ, и подпиши подъ нимъ: зрѣніе и пониманіе; потомъ начерти ухо, и подпиши: слухъ и послушаніе, и проч.

Оказалось, что ухо Саша не умѣла рисовать; многіе изъ дѣтей брались помогать ей, но покончилъ Сережа.

— Да это чудо какъ весело, говорила Саша, носясь съ разрисованной бумажкой, мы съ Лизой все такъ станемъ играть!

Мери потянулась посмотрѣть на бумажку, но, не понимая въ чемъ дѣло, нашла, что картинка не на столько хороша, чтобы долго ею забавляться.

Видя, что мысли дѣтей разбрелись, и желая, чтобы разсказъ ея не разсѣялся безъ слѣда, старушка захотѣла собрать коротенькія нити дѣтскихъ мыслей въ одно, и потому обратилась къ началу разговора.

— Что значитъ, Саша, богоявленская вода, за которою собирается идти твоя няня?

Саша, посмотрѣвъ поочередно, то на бабушку, то на дѣтей, въ недоумѣніи отвѣчала: не знаю, ты кажется объ ней ничего не разсказывала.

— Нѣтъ, я еще не дошла до нее, но сейчасъ доскажу. Наканунѣ праздника крещенія, т. е. въ крещенскій сочельникъ, за вечерней, святятъ воду, опускаютъ въ нее крестъ, въ память того, что Господь на Іорданѣ самъ входилъ въ воду и тѣмъ ее освятилъ, и затѣмъ, освященную воду эту зовутъ богоявленской. Въ крещенскій сочельникъ мы сочельничаемъ до этой

воды, какъ въ рождественскій — до первой звѣзды. У насъ установлено праздновать каждый годъ всѣ самые замѣчательные случаи изъ земной жизни Господа, и эти праздники называются Господними. Ахъ, дѣтки мои, заключила бабушка тѣмъ же, чѣмъ начала разсказъ, трепля и цѣлуя дѣтей: — трудно говорить съ вами, съ такими неровнями!

— Мы всѣ поняли, весело сказалъ Алеша, сознавая въ себѣ новыя понятія, вслѣдствіе разговора съ бабушкой.

— Ты не бойся, бабушка, говорилъ Миша, карабкаясь на диванъ, хватая и обнимая старушку: мы съ Сашей все поняли, мы знаемъ, что Богъ былъ на землѣ такой добрый, какъ барашекъ и голубокъ.

— И вамъ велѣлъ быть такими же, промолвила старушка: будьте кротки, какъ голуби, говорилъ Онъ, уча людей.

— Бабушка, спросилъ Алеша, а тѣ люди, которымъ говорилъ Господь, сказали это другимъ людямъ, а тѣ люди еще другимъ, а тѣ другіе, говорилъ мальчикъ, прикачивая

головой въ мѣру, сказали твоей бабушкѣ, а ты ужь намъ разсказала, да? Такъ вѣдь?

— Было, пожалуй, и такъ, сказала старушка смѣясь Алешиной догадкѣ: — такой разсказъ отъ бабушки къ внучкѣ называется преданьемъ; но преданье не всегда бываетъ вѣрно, а вѣрнѣе дошли до насъ слова Господни чрезъ учениковъ Его, которые записали все, что Онъ дѣлалъ и говорилъ на землѣ, и помѣстили вотъ въ этой книгѣ, — сказала старушка, указавъ на большую толстую книгу, лежавшую на столѣ: — эта книга называется Евангеліемъ.

— Такъ твоя книга Евангеліе, протяжно сказали Саша съ Мишей, ты бабушка покажи ее намъ когда нибудь.

Пока Саша договаривала эти слова, лицо ея вдругъ засвѣтилось радостью, губы улыбались: видно было, что ее тѣшила какая–то пріятная мысль. Бабушка, съ легкой улыбкой, пытливо глядѣла на дѣвочку. «Ну», сказала старушка, ободряя Сашу высказать свое чувство. Улыбка совсѣмъ разцвѣла, и Саша, полно вздыхая, сказала: «Быть можетъ, моя дочка будетъ

такая же хорошая и добренькая, какъ барашекъ!» Сережа, потянувъ Сашу, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и сказалъ: «Ты знаешь что сдѣлай: ты проси бабушку читать тебѣ изъ той книги, а потомъ учи Любу тому, что тамъ написано!» На мгновенье дѣвочка задумалась: она вникала въ слова брата; потомъ, взглянувъ на бабушку, ласково припала къ ней головкой и тихонько спросила: «да?» и на одобрительный знакъ старушки она еще крѣпче обняла ее, говоря: «моя хорошая бабушка, какъ я люблю тебя!» — «И я, вскричалъ Миша, и мы, и мы также,» говорили дѣти, тѣснясь около старушки.